

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Границы поведения животных и психологическая деятельность человека

Материал сегодняшней беседы я рассматриваю как чрезвычайно важный. Он должен послужить введением к целому большому циклу занятий, которому практически будет посвящен весь оставший курс психологии.

Вопрос, который я хочу осветить сегодня, заключается в объяснении того, в чем состоят особенности человеческого сознания и чем строение психологической деятельности человека отличается от структуры поведения животных.

Для того, чтобы подойти к этой теме, резюмируем сначала в самых кратких форматах то, что мы знаем о поведении животного и попробуем, исходя из этого, ответить на вопросы о том, каковы границы, за которые не может перешагнуть даже самая высокоразвитая форма поведения животных.

Мы осветили в течение ряда лекции основные черты, характеризующие поведение животных. Мы показали, как от инстинктивных, наследственно – программных форм поведения животное постепенно переходит к индивидуально – изменчивой форме приспособления, в который сигнал, полученный из среды, не просто запускает врожденную программную деятельность, а в которой животное программирует все свое поведение соответственно восприятию целых ситуаций и формированию субъективного образа объективного мира.

Мы показали, что с развитием ориентировочной деятельности и сложных форм отражения соотношений между вещами у животных формируются наиболее высокие формы интеллектуального поведения. Мы показали, что эти формы интеллектуального поведения имеют трехфазный характер. Первая фаза является предварительная ориентировка животного в условиях среды, предварительное ознакомление с задачей анализа существенных элементов ее; второй фазой – исполнение той гипотезы или той программы, которая возникла в процессе предварительной ориентировки; третьей фазой действия – сличение полученных результатов с исходными намерением и коррекция ошибочных действий, если они имеют место.

Мы показали, что это сложнейшая интеллектуальная форма поведения животных осуществляется в процессе действенных проб, который, как было показано в трех последних лекциях, имеет характер отражения известных сложных форм отношений между предметами, которые животное воспринимает, выделение возможных способов решения, торможение побочных неадекватных способов решения и выработка тех программ поведения, которые приводят к нужной цели.

В последний раз вам был сообщен очень существенный экспериментальный материал, который показывает, что животные могут не только употреблять известные средства или «орудия» для решения практических задач (хотя отличие из

А.Р. Лурия

**Границы поведения
животных и
психологическая
деятельность человека**

Материал сегодняшней беседы я рассматриваю как чрезвычайно важный. Он должен послужить введением к целому большому циклу занятий, которому практически будет посвящен весь оставший курс психологии.

Вопрос, который я хочу осветить сегодня, заключается в объяснении

того, в чем состоят особенности человеческого сознания и чем строение психологической деятельности человека отличается от структуры поведения животных.

Для того, чтобы подойти к этой теме, резюмируем сначала в самых кратких форматах то, что мы знаем о поведении животного и попробуем, исходя из этого, ответить на вопросы о том, каковы границы, за которые не может перешагнуть даже самая высокоразвитая форма поведения животных.

Мы осветили в течение ряда лекции основные черты,

характеризующие поведение животных. Мы показали, как от инстинктивных, наследственно — программных форм поведения животное постепенно переходит к индивидуально — изменчивой форме приспособления, в который сигнал, полученный из среды, не просто запускает врожденную программой деятельность, а в которой животное программирует все свое поведение соответственно восприятию целых ситуаций и формированию субъективного образа объективного мира.

Мы показали, что с развитием ориентировочной деятельности и

сложных форм отражения соотношений между вещами у животных формируются наиболее высокие формы интеллектуального поведения. Мы показали, что эти формы интеллектуального поведения имеют трехфазный характер. Первая фаза является предварительная ориентировка животного в условиях среды, предварительное ознакомление с задачей анализа существенных элементов ее; второй фазой — исполнение той гипотезы или той программы, которая возникла в процессе предварительной ориентировки; третьей фазой действия — сличение

полученных результатов с исходными намерением и коррекция ошибочных действий, если они имеют место.

Мы показали, что это сложнейшая интеллектуальная форма поведения животных осуществляется в процессе действенных проб, который, как было показано в трех последних лекциях, имеет характер отражения известных сложных форм отношений между предметами, которые животное воспринимает, выделение возможных способов решения, торможение побочных неадекватных способов решения и выработка тех

программ поведения, которые приводят к нужной цели.

В последний раз вам был сообщен очень существенный экспериментальный материал, который показывает, что животные могут не только употреблять известные средства или «орудия» для решения практических задач (хотя отличие их от настоящих орудий мною будет освещено после), но могут при определенных условиях и составлять орудия, например, составить одну длинную палку из двух или даже выделять эти орудия из однородного материала (выгрызать или выламывать нужную палку из

деревянного диска для того, чтобы после употребить эту палку как средство достать приманку). Значит, животное может не только употреблять готовые средства, но может выделять из окружающей среды нужные средства, причем, что самое интересное, такое выделение орудий становится настолько самостоятельной формой деятельности, что обезьяна может часами, не отвлекаясь, заниматься попытками выделить нужное орудие (например, выломать палку из очень прочного диска), чтобы после того, как орудие выделено,

непосредственно применить его как средство достать приманку.

Следовательно в данном случае деятельность животного носит уже совсем не интеллектуальный характер, не характер просто элементарного условного рефлекса или привычного, удержавшегося из прежнего опыта навыка, — она представляется сложной ориентировочной деятельностью, в процессе которой выделяется известная программа, животное подчиняется этой программе, этому образу будущего средства, которое оно должно выделить из имеющегося в его распоряжении материала. Все

эта создает доминанту у животного, иногда оттесняет из его непосредственного внимания даже конкретную цель, которую животное на время забывает, пока не выделит средство, позволяющее ему получить приманку.

Таким образом, на высшем этапе высшие животные с развитием коры головного мозга, с мощными зонами, обеспечивающими синтез сигналов из разных рецепторных зон, с развитой синтетической деятельностью, могут выполнять очень сложные формы поведения, программировать свое поведение сложными, возникшими в

ориентировочной деятельности образами.

Все это может создать впечатление, что грани между животными и человеком стираются, и животные могут обеспечивать такие сложные формы интеллектуального поведения, которые начинают быть очень похожими на сложные интеллектуальные, разумные формы поведения человека.

Однако это впечатление, которое с первого взгляда может показаться очень очевидным, оказывается неправильным. существует ряд

коренных отличий в поведении животного от собственного поведения человека.

Позвольте сейчас остановится на вопросе о границах поведения животного.

Рассмотрим внимательно поведение высших человекообразных обезьян, не столько для того, чтобы сблизить их поведение с поведением человека, а столько для того, чтобы выяснить, что отделяет их от поведения человека. Попробуем, следовательно, описать известные поведения даже самых развитых животных.

Первое отличие заключается в том, что поведение животного всегда осуществляется внутри определенной биологической деятельности, внутри определенного биологического мотива.

Животное никогда не делает ничего, что не обслужило бы известную биологическую потребность, что выходило бы за рамки определенного биологического смысла. Всегда всякая деятельность животного в конечном итоге либо мотивирована сохранением индивида, либо мотивирована продолжением рода. Деятельность животного либо

обслуживает инстинкт питания (то есть она делает что — нибудь, чтобы получить пищу), либо инстинктом самосохранения (оно производит действие, чтобы спасти себя от опасности), либо инстинктом продолжения рода. Значит, всякая деятельность животного, сколько бы она не была расчленена, всегда осуществляется в пределах биологически осмысленной деятельности.

Я не могу забыть, как примерно 35 лет тому назад мне удалось в Голландии слышать доклад одного известного психолога — Гельба, который сформулировал

парадоксальное, но очень правильное положение. Он сказал: «Животное не может ничего делать бессмысленного, делать бессмысленное способен только человек!»

Если вдуматься в эту формулу, можно увидеть, что она таит в себе действительно правильное рассуждение.

Животное не может делать ничего, что выходило бы из пределов биологического смысла, в то время как человек 9/10 своей деятельности посвящает актам, не имеющим

прямого, а, иногда, даже и косвенного биологического смысла.

Это положение великолепно показано в рефлексорной теории. Чтобы образовать условный рефлекс у животного, надо включить его в известную безусловную биологическую деятельность.

Может существовать только один момент, в который животное как будто выходит за пределы этого правила: его мощное развитие ориентировочно – исследовательской деятельности. Наблюдая высших обезьян, И. П. Павлов отметил их отличие от более низко стоящих

животных, собак, кошек, тем более от кроликов, морских свинок. Если собаке или кошке нечего делать, она засыпает; если обезьяне нечего делать, она начинает исследовать, то есть ощупывать, нюхать или перебирать шерсть, перебирать листья и так далее. Все это время она занята тем, что Павлов назвал «бескорыстной ориентировочно — исследовательской деятельностью». Однако, и это перебирание предметов, рассматривание, обнюхивание может быть тоже трактовано как определенный безусловных ориентировочно — исследовательский рефлекс. Если это

так, значит перебирание, обнюхивание, которое постоянно обнаруживает ничем не занятая обезьяна, то же являются биологической инстинктивной деятельностью.

Следовательно, первое отличие в поведении животного заключается в том, что всякое его поведение не выходит за пределы инстинктивной биологической деятельности и носит биологически мотивированный характер.

Второе отличие животного от человека несколько сложнее. Мы говорим, что животное может

употреблять и даже выделять орудия. Но сейчас нам надо сделать известную поправку или уточнение этого факта, который с первого взгляда сближает поведение обезьяны с деятельностью человека. Животное, употребляющее и выделяющее орудия, всегда делает это в конкретной наглядно — действенной ситуации и никогда не закрепляет выделенное орудие, не сохраняет орудие впрок. На прошлой лекции, когда я излагал по выделыванию животным длинной палки из круглого диска, вы могли видеть, что животное никогда не оставляет эту палку впрок, для

употребления в следующем опыте. Было многократно показано другими исследованиями, что даже применив известное орудие, животное начинает искать новое орудие каждый раз, когда дается новая задача.

Животное не обладает абстракцией от наглядной ситуации; внутри наглядной ситуации может выделить орудия, однако, вне этой наглядной ситуации животное никогда не может выделить орудия и зафиксировать постоянные средства, которые ему когда —нибудь понадобятся.

Оказалось далее, что обезьяна даже не пользуется одним орудием для того, чтобы с помощью этого орудия заготавливать другое и что ее орудийная деятельность не носит сложного, многократного опосредственного характера.

Когда в прошлый раз нам было дано сравнение поведения обезьяны и ребенка (эта лекция была прочитана Т. Хрустовым и давала обзор его опытов с применением «орудий обезьянами»), вы видели, что если ребенок с большой легкостью начинает применять камень для того, чтобы расщепить диск, и ему достаточно одного показа, одного

только намека для такой деятельности; наоборот – обезьяна не только не применяла орудий для того, чтобы сделать другие орудия, но даже бесконечный показ не подхватывается обезьяной. Она никогда не реагировала на подсказываемые человеком сложные, состоящие из цепи звеньев действия по употреблению одних орудий для того, чтобы изготовить другие.

Можно поэтому сказать, что животные не живут в мире постоянных вещей, имеющих постоянное значение. Вещь приобретает для него значение только в конкретной данной

ситуации, в процессе деятельности. Один раз доска может быть для обезьяны подставкой, на которую она вскакивает, чтобы достать высоко подвешенный плод, в другой раз она может играть роль рычага, если ее нужно что – то достать; в третий раз – роль деревяшки, которую обезьяна сломает для того, чтобы изгрызть ее и так далее. Постоянного значения вещь для нее не имеет значения.

Поэтому можно сказать, что если человек живет в мире орудий, то обезьяна живет в мире средств для действия.

Таким образом, для обезьяны мир вещей – это вещи, которые могут приобрести определенное значение в процессе деятельности, но никогда вещи не представляют собой постоянно фиксированного для своей функции объекта. Это и составляет второе отличие животного, в частности обезьяны, от человека.

Третье отличие заключается в том, что животное может действовать только в пределах наглядно воспринимаемой ситуации. Оно не может, в отличие от человека, абстрагироваться от наглядной ситуации и программировать свои

действия соответственно
отвлеченному принципу.

Для того, чтобы это положение стало ясным, я позволю себе сослаться на один опыт, который считаю, пожалуй, замечательнейшим из всех опытов, проведенных над животными, иллюстрирующих отличие поведение животного от психологической деятельности человека.

Опыт был проведен голландским психологом Бойтендайком. Перед животным (это могла быть кошка, собака или обезьяна) ставился ряд банок; под одной из этих баночек

клалась приманка. Животное видело, что приманка положена под первую баночку. Совершенно естественно, что когда от первого опыта Бойтендаик перешел ко второму и снова предъявлял тот же самый закрытых баночек (естественно, что для чистоты опыта запах был исключен), животное направлялось к первой, подкрепленной в прежнем опыте баночке, открывало ее; однако под этой баночкой приманки нет. Опыт ставился по следующему принципу; каждый раз приманка перемещалась в следующую баночку; значит, животное должно было идти не к той банке, которая была

подкреплена, а, наоборот, к банке, еще не подкрепленной, но, которая по всей видимости (если только усваивается принцип следующий»), будет подкреплена. Когда животное не находило ничего в первой банке, то оно шло ко второй и находило здесь приманку. Когда в следующий раз приманка переносилась в третью банку, животное направлялось опять к предыдущей банке и так далее.

Несмотря на большое количество проб Бойтендайку так и не удавалось получить у животного сразу реакцию на «следующую», еще не подкрепленную банку. Следовательно, животное усваивало

известный опыт, всегда направляло свое поведение к ранее подкрепленному стимулу; ставить же принцип «следующий», то есть направить свое поведение не в сторону в прошлом подкрепленного места, а в сторону того места, которое должно было стать подкрепленным в будущем, животное не могло.

Иначе говоря, у животного не было того элементарного представления, которое характеризует поведение человека.

Интересно, что этот опыт Бойтендайк, как проверил, с очень

большой легкостью становится доступным для ребенка даже двух с половиной лет, который обладает элементарной речью и который этот принцип может схватить достаточно легко.

Следовательно, этот опыт показывает, что поведение животного целиком детерминируется наглядно воспринимаемой ситуацией, опытом прошлого, но животное не может никогда выйти за пределы этой наглядной ситуации, абстрагироваться от нее и схватить отвлеченный принцип, иначе говоря, не может регулировать свое поведение предвидением,

возникающим в результате усвоенного принципа действия.

То, что я вам сказал, как будто находится в противоречии с тем фактом экстраполяции рефлексов, о которых я говорил в прошлой лекции. Но это противоречие только кажущееся.

В опытах Л. В. Крушинского животное производит экстраполяцию наглядного движения предмета во времени; в опыте Бойтендайка оно должно схватить отвлеченный принцип, что не удастся ему.

Эта невозможность абстрагироваться от наглядной

ситуации и является очень четко выявленной особенностью поведения животного, и этот опыт я считаю таким важным потому, что он действительно кладет водораздел между поведением животного и поведением человека. Поведение животного в настоящем определяется его прошлым наглядным опытом. Поведение человека в настоящем может определяться образом его будущего, тем принципом, который будет экстраполировать его поведение в будущем. Поэтому только животное остается, как говорил Кёлер, рабом своего зрительного поля, рабом своего

впечатления, а человек легко эмансипируется от него.

Невозможность отвлечься от непосредственно воспринимаемой ситуации или прежнего наглядного опыта является, таким образом, еще одним существенным признаком, отличающим поведение животное от психологической деятельности человека.

Обратимся к последнему признаку, чрезвычайно существенному для того, чтобы отличить поведение животного от психологической деятельности человека.

Если программирование поведения у животного всегда ограничено только двумя фактами, у человека к этим факторам прибавляется еще третий, не существующий у животных. Как мы уже говорили, поведение у животных определяется либо наследственно отложившимися видовыми программами, либо непосредственным личным опытом, иначе говоря, либо видовым, безусловным, либо условным рефлексом, получившимся в результате индивидуального опыта животного. Эти два факта и определяют поведение животного,

они являются факторами его психологического развития. Еще не существует такой собаки, которая, получив известный опыт решения задачи, подошла к другой новой собаке и на ухо сказала ей: «А решить задачу нужно так». Нет такого животного, которое может передать свой опыт другому животному. В лучшем случае животное может передать свой опыт так, как передает его матери детенышам; с помощью непосредственного действия и подражания. Передача опыта или формулы опыта, принципа действия от одной особи к другой у животных

НЕВОЗМОЖНА.

В отличие от этого психологическая деятельность человека характеризуются тем, что человек наряду с этими двумя формами поведения (программированным наследственно и программированным личным опытом) обладает еще третьей формой поведения, которая становится все более и более доминирующей и у нас с вами начинает занимать доминирующее место: такой формой является передача общественного опыта от одного человека к другому человеку. Все обучение в школе, все усвоение

знаний, все усвоение методов работы есть по существу передача индивиду опыта поколений, иначе говоря, передача общественного опыта от одного человека к другому. Если животное рождается на свет только с наследственной программой и обогащает ее личным условно — рефлекторным опытом, то человек, рождаясь с гораздо более бедными, чем у животного, инстинктивными программами, развивает свой психологический процесс не только с помощью своего индивидуального опыта других поколений через посредство воздействия других

людей, усваивая опыт от других людей.

Усвоение общественного опыта не существует у животного, но существует у человека.

Вот в этом заключается последнее коренное отличие психологической деятельности животного от психологической деятельности человека.

Я осветил границы наиболее сложных форм поведения животных и показал, чем оно отличается от поведения человека. Займемся сейчас анализом основных особенностей психологической

деятельности человека и разбираемся так же в том, в чем психологическая деятельность человека отличается от поведения и психологической деятельности животных. Подойдем к только что освещенному вопросу с другой стороны — со стороны анализа психологической деятельности человека.

Психологическая деятельность человека коренным образом отличается от психологической деятельности животного как по своей структуре, по своим функциональным особенностям и по своему генезу.

Я сейчас остановлюсь на трех
отличительных особенностях
психологической деятельности
человека, характеризуя ее структуру,
его функции и его генетические
особенности.

Чем отличается психологическая
деятельность человека от поведения
животного по своему содержанию и
строению?

Прежде всего это отличие
заключается в том, что вероятно в
подавляющей своей части поведение
человека не протекает внутри
биологических мотивов и не

определяется биологическими потребностями.

Если вы проанализируете психологическую деятельность человека, начиная с психологической деятельности ребенка и, тем более психологическую деятельность подростка или взрослого, то вы должны будете признать, что подавляющая масса актов поведения человека вовсе не определяется биологическими мотивами; силами, движущими поведение человека, вовсе не является голод, пищевой рефлекс, оборонительный рефлекс, половой рефлекс и так далее. деятельность человека определяется

по своему содержанию другими мотивами, которые приобрели в науке очень невразумительное название «духовных» мотивов, вероятно, просто потому, что как — то надо было отличить их от мотивов животных, а подходящих понятий сразу не было найдено.

Примером такого поведения может служить поведение учения. Все вы учитесь вовсе не из каких — либо биологических мотивов. Мотивы ваши могут быть разными: одни учатся потому, что их интересует само содержание науки, и ими, следовательно, движет познавательный интерес; другие

учатся потому, что хотят получить положение в жизни, и ими движут, следовательно известные мотивы престижа. Но какие бы ни были мотивы, они не являются биологическими.

Если проанализировать каждый отдельный поступок человека, то окажется, что и эти поступки в очень небольшом проценте являются актами, которыми движутся не биологическими мотивами .

Попытка свести поведение человека к биологическим мотивам, рассматривать это поведение как результат оборонительного или

пищевого рефлекса есть величайшая вульгаризация психологии.

Значит, поведение человека по своему содержанию отличается от поведения животного тем, что оно программируется другими мотивами и потребностями, выходящими за пределы биологических и носящих характер так называемых духовных потребностей. В чем же состоят эти духовные потребности и как материалистически к ним подойти.

В отличие от животного, человек может ставить себе цели, и эти цели или задачи могут носить очень расчлененный характер, далеко

выходя за пределы непосредственно биологически обусловленных актов. Даже если человек, вернувшись домой и будучи страшно голодный, захотел бы открыть шкаф, где хранится пища, а ключа от шкафа не оказалось, он идет к соседям, спрашивая, нет ли подходящего ключа, или к слесарю, чтобы заказать ключ, или находит орудие, с помощью которого можно взломать дверцу шкафа, — во всех тех случаях его действия не носят прямого биологического характера. Его задача заключается в том, чтобы вычленить ряд действий, которые последовательно осуществляет,

чтобы постепенно подойти к выполнению цели; эти действия распадаются на ряд определенных, иерархически подчиненных друг другу операций, каждая из которых может не иметь прямого отношения к цели.

Учение, труд, трудовая деятельность — все заполнено у человека такими действиями, которые человек осуществляет сознательно или имеет ввиду то значение, которое эти действия получают и которые никакого биологического биологического смысла не имеют. Если бы я хотел изобразить такую деятельность в

известной схеме, то я бы сказал, что деятельность животного, как бы сложна и извилиста не была, всегда ведет к достижению какой биологической цели, она превращается в известные действия, которые только в отношении с другими действиями, с целым циклом действий, а иногда и с действиями других людей может привести к известной цели и получить окончательный эффект. Таким образом, деятельность человека строится как расчлененная цепь взаимоподчиненных отдельных актов, которые лишь в конечной стадии могут привести к известному

биологическому смыслу, но, которые сами по себе такого биологического смысла не имеют.

Отсюда, что очень существенно, — деятельность человека, определяемая целями, которые он сам ставит, задачами, которые он сам осознает, превращается в сознательную деятельность, регулируемую предвидением будущего, что у животного совершенно отсутствует. И вот этот расчет на будущее, то есть случаи, когда действие пускается в ход известным предвидением будущего, составляет подавляющее

большинство конкретных актов нашего поведения.

Таким образом, первое отличие психологической деятельности человека заключается в том, что она далеко не всегда протекает в пределах биологических мотивов, и в том, что деятельность человека носит сложный иерархический построенный характер. Она расчленяется на ряд сознательных действий, каждое из которых несет в самом себе известные мотивы и получает свой смысл лишь в конечном итоге, иногда в индивидуальной работе, а иногда в

работе других людей приводит к соответствующей цели.

Эта сложная иерархически построенная структура деятельности, в которой выделяются отдельные действия, получающие свой смысл только из того, что они соотносятся с конечной целью, а иногда приобретают смысл только в деятельности других людей, характеризует сознательную деятельность человека, отличая его от непосредственного биологического поведения животных.

Вторая отличительная черта психологической деятельности человека является его иное отношение к непосредственным влияниям воздействующей на него среды. Я уже сказал, что животное — раб непосредственно воспринимаемой ситуации, что поведение животного в настоящем определяется либо непосредственным восприятием этой ситуации, либо прошлым опытом, которое животное получило в этой ситуации. Поведение человека определяется другим: оно может определяться более глубоким знанием ситуации и предвосхищением

того будущего, тех последствий,

которые могут возникнуть в связи с его действиями.

Позвольте привести несколько примеров, которые дадут мне возможность прийти к соответствующему выводу. Ясный осенний день, в октябре. Вы отправляетесь на далекую прогулку. Небо ясное, солнышко греет. Вы решаете в 12 часов дня выйти из дома с тем, чтобы вернуться в 7 – 8 часов вечера. И вот вы отправляетесь в осенний солнечный день в далекую прогулку, ориентируясь вовсе не на то, что сияет солнце, что оно пригревает, и делаете как бы бессмысленную вещь: вы берете

теплое пальто или непромокаемый плащ, хотя в непосредственном восприятии никаких мотивов для этого нет.

Чем вы руководствуетесь? Вовсе не своим восприятием; вы руководствуетесь более глубоким знанием закономерностей: вы знаете, что это осень, октябрь, что вернетесь поздно вечером, что октябрьским днем может быть дождь, а вечером, наверное, будет холодно. Вы определяете свое поведение не наглядными впечатлениями от ситуации, а планируете его согласно знанию законов природы, предвосхищая

будущее. Как сейчас часто говорят, вы ведете себя, прогнозируя большую вероятность появления холода или дождя, и реагируете на отсутствующий дождь или холод, исходя из знания тех закономерностей, которые таит в себе осенний, хотя и солнечный день.

Второй пример, который должен показать, что это прогнозирование будущего может иногда даже вступать в конфликт с прямыми биологическими потребностями.

Представьте себе человека, который страшно хочет пить. Он

ПОДХОДИТ К ВОДОЕМУ И ГОТОВ
зачерпнуть воды и выпить ее; но ему
говорят: «Знаете, в этом водоеме
обнаружен холерный эмбрион,
имейте это в виду!». Человек может
скорее умереть от жажды, чем начать
пить из этого зараженного водоема.

Это значит, что прогнозирование
последствий известного действия
может быть даже сильнее, чем
непосредственная биологическая
потребность.

Какое бы действие человека вы
не взяли, нормальный человек, если
он только не находится в состоянии
аффекта, если его поведение не

снижено, ведет себя совершенно
отлично от того, как ведет себя
животное: его деятельность не
подчиняется непосредственному
восприятию, а анализу этой
ситуации, а анализу этой ситуации, в
результате которого сигналы от этой
ситуации доходят до него в
перешифрованном виде. Эта
перешифровка получаемой
информации и дает человеку
возможность подчинять свое
поведение не непосредственному
впечатлению, а знанию закона или
правила, отражению внутренней
необходимости, которое лежит за
непосредственным восприятием.

Философски рассуждая, здесь впервые возникает поведение, свободное, в отличии от поведения рабского. Животное – раб воспринимаемой ситуации, человек – хозяин воспринимаемой ситуации. Животное подчиняется непосредственному впечатлению, человек подчиняется перешифрованным сигналам, то есть сигналам, которые исходят не от непосредственного восприятия от той необходимости, которые человек расшифровал, познал и которым подчиняется.

Если человек в моем первом примере не возьмет с собой плащ

или пальто и отправится на прогулку поздней осенью налегке, его поведение будет неразумным, несознательным, несвободным потому, что он подчиняется непосредственному впечатлению. Если он сделает обратное, его поведение будет сознательным, разумным и свободным, то есть будет абстрагироваться от непосредственного впечатления.

Если в моем последнем примере человек, желающий пить, выпьет воду из зараженного водоема, его поведение будет несознательное и несвободное, реактивное. А если человек воздержится от этого и,

несмотря, на то, что он испытывает величайшую потребность выпить воды из этого водоема, все — таки не выпьет, его поведение будет сознательным, разумным и свободным, ибо оно исходит из познанной необходимости.

Таким образом, поведение человека, в отличие от поведения животного, может подчиняться не непосредственному впечатлению, а анализу закономерностей, которые могут скрываться за непосредственной ситуацией. Поэтому поведение человека, который поступает не реактивно, соответственно впечатлению или

потребности, а соответственно познанной необходимости, может оцениваться как поведение свободное.

Таким образом поведение человека по структуре сложное иерархическое, по функции – произвольное или свободное, основанное на перешифровке непосредственных впечатлений. Этим оно резко отличается от поведения животных. Если, как я говорил 2, 5 – ий летний ребенок легко справляется с опытом Бойтендейка, то это потому, что он перешифровывает ситуацию и реагирует не на впечатление от

подкрепленного прошлым объекта, а на абстрактной принцип: «Ага, приманка в следующем». Вот почему то, что является границей для человека.

Третья особенность человека заключается в том, что, как я уже рассказывал, поведение человека не определяется только двумя факторами — наследственными программами и личным опытом, — поведение человека определяется той информацией, которую он получает от других людей. Усваивая общечеловеческий опыт, человек получает возможность использовать знания и средства уже в готовом

виде. Этот факт имеет огромное значение.

То, что человек живет в митре готовых вещей, в которых материализовался прежний опыт, что он усваивает в школе таблицу умножения и законы рычагов – все это говорит о том, что человек не вынужден заново изобретать каждый раз те вещи, которые были изобретены и применялись в процессе истории.

Следовательно, человек обладает третьим фактором развития – программированием своего поведения с помощью усвоения

общечеловеческого опыта, и это резко отличает его от животного, которое ничего не получает из опыта других животных в готовом виде. Тот факт, что человеку не нужно самому формировать опыт, а этот опыт поступает к нему в готовом виде, в известной общественной информации, представляет следовательно, третью существенную особенность психологического процесса человека. Эта особенность связана уже не со структурой или функцией, а с происхождением, генезисом его сложных форм психологической деятельности.

Я кратко остановился на трех основных особенностях психологической деятельности человека, расчлененной по своей структуре, свободной от непосредственного впечатления по своей функции и основанной на своей информации, которая в готовом виде дается ему, передавая общественный опыт поколений по своему генезису.

Когда я сделал эти вещи, я по существу определил основные особенности сознательного поведения человека. Под сознательным поведением мы имеем в виду такое поведение, которое

подчиняется известному анализу ситуации и ориентируется на предвидение будущего, соотнося каждый факт поведения с другими возможными актами, приводя настоящее в связь с будущим.

Возникает, однако, важный вопрос, который заключается в следующем: как же можно трактовать происхождение вот таких сложных сознательных форм психологической деятельности, которые явно отличают психологическую деятельность животного от психологической деятельности человека.

В чем же заключается сущность этой сознательной психологической деятельности, как трактовать материалистически, научно трактовать сознание человека? Среди всех загадок природы, которые были поставлены одним из крупных естествоиспытателей прошлого века, фигурирует и эта загадка, считавшаяся им неразрешимой: он считает, что есть несколько мировых загадок, ответ на которые мы никогда не откроем, и одной из таких загадок является естественная история сознания.

Как же подойти к ответу на этот вопрос? Как объяснить тот факт, что

из интеллектуального, импульсивного поведения животных возникает сознательная деятельность человека?

На этот вопрос разные теории давали три разных ответа.

Первая теория открытого идеализма давала такой ответ: сознание присущи человеку как имманентное, характеризующее его внутреннее свойство. Этим свойством человек отличается от животного коренным образом, этим он противопоставляется животному. В еще более резкой форме это было сформулировано Декартом:

животные есть механизмы или машины, они работают по законам природы, человек есть существо духовное, он действует по законам разума. Сознательность объясняется тем, что человек обладает кусочком бессмертной души, которую вложил в него бог, положив этим отличие человека от животного.

Эта точка зрения господствовала в течение многих веков и в скрытом виде еще продолжает господствовать во многих зарубежных психологических теориях. Она может быть как угодно завуалирована, но психолог — идеалист думает так: животное работает по

биологическим законам, а человек действует по субъективным законам, заложенным в его душевной жизни, — он существо сознательное. Такая точка зрения была настоль сильна, что Сеченов меньше чем 100 лет назад говорил так как о злейших врагах науки об «обособителях» в психологии, то есть о тех, кто обособляет психологию от всякой физиологии и биологии, желая найти в психологии духовную сущность и отрицая эту духовную сущность у животных.

Вы ясно видите, что эта идеалистическая имеет по существу агностический характер, потому что

она представляет отказ от всякого объяснения сознательной жизни человека, отличающейся от сознательной жизни животных.

Вторая теория – происхождение сознания – это диалогическая теория.

Если первая теория хочет вывести сознание из глубины духа, то вторая теория пытается вывести сознание непосредственно из естественной эволюции животных. Эта точка зрения позитивистов – что это точка зрения механических материалистов. Исследователи примыкающие к этой позиции,

считают, что уже у животного можно видеть известные формы инстинктивной жизни, которые приближаются к сознательным, и эти сторонники биологической концепции стараются, наоборот, стереть грань между человеком и животным.

Так, например, Дарвин считал (и для его времени это было правильной и актуальной задачей), что он должен найти в поведении животных такие формы, которые сближают их с человеком; поэтому он очень очеловечивал животных — очень антропоморфизировал их, считая, что и животные обладают

теми же формами интеллектуального поведения, что и человек.

Исследователи, пытающиеся вывести из биологической эволюции, не находят иного выхода, как попытки трактовать сознание как сложнейшую форму инстинкта, который может быть свойственен и животным.

Естественно, что эти попытки приводят в тупик потому, что факты, которые мы знаем здесь, заставляют не смазывать разницу между человеком и животным, а в полный голос говорить о различии сознательной деятельности человека

И ИНСТИНКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ
ЖИВОТНЫХ.

В чем же состоит правильное
решение вопроса о сознательном
поведении человека?

Решение вопроса о природе
сознательного заключается в том, что
выводит это сознательное поведения
не из глубины духа, не из
естественного развития животных, а
из новых общественных форм
поведения, которые отличают жизнь
человека от жизни животных.

Человек отличается от
животного тем, что он живет в
условиях общественного

существования. Его формы жизни — это общественные формы жизни, и, именно из этих общественных форм жизни могут быть выведены те особенности поведения, которые мы называем духовными.

Этот путь является важнейшим для советской психологии: чтобы объяснить внутреннее психологическое, мы должны рассмотреть внешние формы жизни, общественную жизнь человека и найти объективные внешние причины, которые позволяют перейти от животных форм существования к общественным формам психологической жизни.

Позвольте мне совсем кратко на этом остановиться.

С переходом от животного существования к общественной истории возникают два важнейших события. Во – первых, это переход к общественному труду и употреблению орудий, и, во – вторых, переход к языку, к общению с помощью слова.

Эти два факта и лежат в основе появления новых форм поведения. Из них, из общественного труда и из языка возникают те особенности сознательной формы психологической деятельности,

которые отличают человека от животного.

Позвольте сегодня остановиться на первом из них – употребление орудий и общественного труда.

Мы видели, что животные могут употреблять известные внешние средства и даже выделять эти средства в тот момент, когда они заняты соответствующей деятельностью. Но у них никогда не возникает устойчивых форм трудовой деятельности и постоянного изготовления орудия впрок. Иначе у человека: с возникновением прямохождения у

человека освобождается рука. И с дальнейшим развитием мозга и, прежде всего, сложных форм мозговой коры, позволяющих объединять совместную работу отдельных анализаторов. Благодаря этому у него возникают условия для мощного развития ориентировочной деятельности, которые и приводят к возникновению орудий. В курсе антропологии вы уже встречались с анализом наиболее простых форм орудий труда. Это раньше были осколки или готовые камни, которые никак не материализовали операции, которые с ним производятся. Лишь в позднейшие эпохи орудия приняли

уже более сложный характер: в этих более поздних орудиях уже существует сторона, за которую орудия держат и которая приспособляется к руке; режущая сторона, предназначенная для выполнения операций – рубить, снимать кожу, скрести, колоть. Когда появляются такие орудия, возникает, следовательно, материализованная операция: операция «резать», «колоть», «скрести» становится постоянной материальной особенностью предмета. В таких материальных особенностях орудия мы уже находим закрепившиеся, постоянные операции. Именно в

связи с этим возникает первое огромное отличие среды человека от поведения животного. Животное существует в мире случайных вещей, которые приобретают свое значение лишь в данной операции; человек начинает жить в мире постоянных предметов и орудий, в которых материализованы, фиксированы его операции. Тем самым, у человека возникает передавать операцию от одного поколения к другому, и этот факт материализации операции в орудии становится фактом первостепенной значения.

Отсюда вытекает второй важный факт: эти орудия начинают

изготавливать впрок, и тем самым действие изготовления орудий начинает отрываться от непосредственной деятельности по добыче пищи. Изготовление орудий, отламывание и обтесывание камня, с первого взгляда может показаться бессмысленной деятельностью, потому что оттачивать камень не значит получать пищу; однако в дальнейшем этот камень, который оттачивается, сможет быть использован для получения пищи, и в соотношении с этой конечной целью данное действие становится осмысленным. Таким образом, возникает первое сознательное

действие, иначе говоря, первое отделение операции изготовления орудий от конечной деятельности — добычи пищи с помощью этого орудия.

С изготовлением и употреблением орудий возникают материализованные операции, но возникает первая абстракция: человек абстрагируется, отвлекается от непосредственной пищи — добывающей деятельности и все сосредотачивается на изготовлении орудий, которые получают свой смысл только для того, что оно дальше будет применено для добывания пищи. Изготовление

орудий тем самым является первым решающим фактором для того, чтобы понять возникновение действия, оторванного от непосредственной цели.

Второе, о чем следует кратко сказать, представляет собой факт не меньшего значения.

Труд человека никогда не осуществляется им в одиночку, он всегда осуществляется в обществе. Человеческое общество тем и отличается от животной стаи, что люди трудятся совместно и в процессе этого общественного труда разделяются свои функции. вначале

разделение функций носит еще биологический характер: женщина поддерживает огонь, мужчина идет на охоту. Но разделение функций разбивает цельную всю деятельность на определенные звенья, каждое из которых может выполняться отдельным человеком; поддерживать огонь — занятие женщины — деятельность, которая приобретает свой смысл только для того, что дальше на этом огне можно будет изжарить пищу, которую добывал мужчина.

В этом разделении операций — величайшие шаги к расчленению деятельности на отдельные

подчиненные звенья, получающие свой смысл из соотношений с конечной целью, в формировании абстрактной сознательной деятельности.

Разделение общественного труда иногда принимает такие формы, которые иногда заставляют человека совершать действия, обратные биологическим мотивам.

А. Н. Леонтьев приводит один замечательный пример.

Общественно – организованная охота в первобытном обществе иногда так построена, что одна группа людей отгоняет дичь для того,

чтобы дичь попала в засаду, в то время как другая группа людей поджидает и убивает дичь, отгоняемую первой группой.

Какой биологический смысл имеет работа первой группы людей – отгонять дичь? Никакого. Наоборот, это нечто противоположное биологическому смыслу. Но в общественно – организованном труде это бессмысленное действие приобретает свой смысл, если один человек отгоняет дичь, а другой получает возможность поймать ее. В общественном разделении труда отдельных людей начинают возникать такие действия, которые

лишены прямого биологического смысла и которые приобретают свой смысл лишь из действий других людей.

В этой общественной организации труда и заключается корень возникновения сознательной деятельности человека.

То, что я вам сказал, можно сформулировать следующим образом. У человека, для которого характерен общественный труд, функция часто разделяется между двумя людьми: один человек начинает выполнять данную задачу, чтобы другой мог ее закончить.

Функция, которая у животных всегда осуществляется одним индивидом, разделяется здесь между двумя индивидами (двумя группами), и это есть специфика общественного труда, из которой возникают грандиозные психологические следствия.

Если женщина поддерживает огонь, а мужчина охотится; если один человек делает орудие, а другой применяет его; если один человек отгоняет дичь, а другой человек ловит дичь, — то этим самым создается новая общественная организация деятельности, а эта общественная организация

деятельности и приводит к тому, что единая биологическая деятельность расчленяется, выделяются отдельные части этой деятельности или отдельные сознательные действия, которые приобретают смысл только в работе другого человека.

Эти сознательные действия и можно понять только из общественной организации деятельности человека.

В этом подходе и состоит марксистское решение вопроса о происхождении сознания, которое я наметил вам лишь в самых кратких чертах.

Сознание происходит не из глубин духа и не из недр биологии – сознание происходит из общественной организации поведения человека и его психологической деятельности. Поэтому психология есть не только биологическая, но и социальная наука, и это ни на минуту нельзя забывать, изучая психологию.